

На правах рукописи

ФЕДОТОВА НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**ВОЕННАЯ МЕТАФОРА
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ДИСКУРСЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: **Чарыкова Ольга Николаевна,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Шаманова Марина Владимировна,**
доктор филологических наук, доцент,
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»,
кафедра общей и прикладной филологии,
заведующий кафедрой

Воеводина Галина Александровна,
кандидат филологических наук, доцент,
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина»,
Институт СПО,
кафедра русского языка, методики его
преподавания и документоведения,
преподаватель

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

Защита состоится 29 сентября 2022 г. в 16.00 на заседании
диссертационного совета Д 212.038.07 в Воронежском государственном
университете по адресу: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке
ФГБОУ ВО «ВГУ» и на сайте ФГБОУ ВО «ВГУ»
<http://www.science.vsu.ru/disser>.

Автореферат разослан «___»_____2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.038.07,
доктор филологических наук, доцент

И.А. Меркулова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одним из важных направлений современной лингвистики является исследование метафоры, что обуславливается рядом факторов. Возникновение метафоры происходит на основе переработанного опыта, который, в свою очередь, участвует в формировании нового знания. Поэтому процессы метафоризации постоянны и непрерывны, что даёт неисчерпаемый материал для исследования данного феномена. Подвижность метафоры и её динамичность в отражении окружающей действительности требуют постоянного научного наблюдения.

А.П. Чудинов справедливо указывает: «Каждый новый этап социального развития страны отражается в метафорическом зеркале, где вне зависимости от чьих-либо намерений фиксируется подлинная картина общественного самосознания. Система базисных метафор – это своего рода ключ к пониманию “духа времени”» [Чудинов, 2001: 31].

Хотя метафора, являясь фундаментальным свойством языка, не обделена вниманием современных исследователей (О.Г. Ананченко 2011, П.Н. Барышников 2008, Ж. Вардзелашвили 2002, А.Г. Вильчинская 2017, Н.С. Воронова 2003, О.С. Зубкова 2006, Е.В. Иванова 2012, Ж.К. Каландарова 2008, Н.С. Карпова 2007, А.А. Каслова 2003, С.А. Кудрин 2011, Л.В. Кульчицкая 2012, О.И. Мусаева 2005, А.Ю. Перескокова 2006, Е.В. Пикалова 2013, А.Б. Ряпосова 2002, И.В. Телешева 2006, Т.И. Уткина 2006, Д.Е. Хохонин 2014, Чан Тхи Тху Хыонг 2011 и др.), однако такой значимый фрагмент русской метафорической картины мира, как военная метафора, то есть метафорические значения лексики, номинирующей денотативную сферу «война», не получил достаточно полного научного осмысления. Исследованиям в области военной (милитарной) метафоры посвящены работы А.Н. Баранова 1991, 1994, Э.В. Будаева 2006, 2008, 2009, 2010, 2016, Г.А. Бучиной 2003, О.М. Винниковой 2018, Т.А. Воронцовой 2005, Ю.Б. Жидковой 2013, А.А. Карамовой 2013, Ю.Н. Караулова 1991, 1994, Н.В. Коротаевой 2013, С.А. Логачева 2008, Т.Д. Магомадовой 2015, Е.Г. Малышевой 2009, Е.К. Моховой 2010, В.В. Овсянниковой 2009, Э.Г. Рябцевой 2003, Л.В. Стецюры 2009, Л.Н. Третьяковой 2012, А.П. Чудинова 2001, 2003, 2007, 2013, А.А. Эргашева 2015 и др., однако они раскрывают только отдельные аспекты указанной проблемы, но не дают целостного анализа военной метафоры на современном этапе развития русского языка.

Это обуславливает **актуальность** данного исследования, посвящённого комплексному и целостному анализу функционирования военной метафоры в современном русском дискурсе.

Объектом исследования послужили лексические единицы, объединённые семантическим компонентом «военные действия», извлечённые путём сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>), современных российских средств массовой информации (преимущественно – печатных) и живой разговорной речи.

Общее количество выделенных единиц – 3413. Общее количество исследованных контекстов – более 4500.

Предметом исследования являются процессы метафоризации лексических единиц, включающих сему «военные действия», и степень их представленности в разных типах современного русского дискурса.

Цель данного исследования – комплексный анализ военной метафоры в современном русском дискурсе.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- 1) определить теоретические основы исследования;
- 2) выявить корпус лексических единиц, объединённых семантическим компонентом «военные действия»;
- 3) на основе анализа семантики выделенных единиц определить тематические группы русской военной лексики;
- 4) в каждой тематической группе выделить лексемы, получившие метафорические значения;
- 5) определить инвариантную модель метафорического переноса для каждой тематической группы;
- 6) выявить семантические признаки, на основе которых осуществляется метафоризация в рамках каждой инвариантной модели;
- 7) среди лексем, получивших метафорические значения, выделить нелексикографированные метафоры;
- 8) определить степень представленности военной метафоры в разных типах современного русского дискурса.

Методологической и теоретической базой исследования послужили основные положения, изложенные в трудах отечественных и зарубежных лингвистов: Ю.Д. Апресяна 1963, 1974, Н.Д. Арутюновой 1979, 1990, 1998, Л.В. Балашовой 1998, А.Н. Баранова 1991, 1994, 2014, М. Бирдсли 1990, М. Блэка 1990, Э.В. Будаева 2006, 2008, 2009, 2010, 2016, Г.А. Бучиной 2003, А. Вежбицкой 1997, В.В. Виноградова 1953, В.Н. Вовк 1986, Е.М. Вольф 1988, В.Г. Гака 1988, О.И. Глазуновой 2000, Н. Гудмена 1990, М. Джонсона 2004, Д. Дэвидсона 1990, А.А. Елистратова 2005, Ю.Н. Караулова 1991, 1994, Э. Кассирера 1990, Э.В. Кузнецовой 1980, О.Н. Лагуты 2003, Дж. Лакоффа 1988, 2004, С. Левина 1990, Т.Д. Магомадовой 2015, Э. Маккормака 1990, Дж. Миллера 1990, С.Л. Мишлановой 2003, В.П. Москвина 1984, 1996, 1997, 2000, 2012, Е.О. Опаринной 1988, Х. Ортеги-и-Гассета 1990, Э. Ортони 1990, Г. Пауля 1960, В.В. Петрова 1985, 1990, П. Рикера 1990, А. Ричардсона 1990, Дж. Серля 1990, Г.Н. Складневской 1983, 1988, 1993, В.Н. Телии 1977, 1986, 1988, Ф. Уилрайта 1990, В.К. Харченко 1989, 1992, А.П. Чудинова 2001, 2003, 2007, 2013, Д.Н. Шмелева 1977, 2002 и др.

Источниками практического материала являются: Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru>), современные средства массовой информации и живая разговорная речь. Привлекались также данные следующих словарей: Толковый словарь русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой (<http://www.slovoedia.com/15/210/1592690.html>); Новейший

большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова; Толковый словарь современного русского языка (Языковые изменения конца XX столетия) под ред. Г.Н. Складневской; Военный энциклопедический словарь под ред. С.Ф. Ахромеева; Словарь военных терминов под ред. А.М. Плехова. В качестве дополнительных источников использовались: Большой медицинский энциклопедический словарь под ред. И.Б. Гетьмана; Большой словарь медицинских терминов под ред. В.И. Смирновой; Словарь русского публичного языка конца XX века; Толковый словарь спортивных терминов под ред. Ф.П. Сулова.

Для решения поставленных задач в работе использовались следующие **методы**: описательный, метод анализа словарных дефиниций, методы контекстуального и интерпретационного анализа, элементы семного анализа, а также методика количественных подсчётов.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые дано целостное описание военной метафоры в разных типах современного русского дискурса (политического, спортивного, медицинского, художественного, обиходно-бытового); определены инвариантные модели метафорических переносов и мотивирующие признаки, на основе которых осуществляется метафоризация в рамках каждой инвариантной модели.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования (определение инвариантных моделей, выявление типов мотивирующих сем, анализ частотности употребления в разных типах дискурса) уточняют и дополняют представления о процессах метафоризации и употребления метафоры в современном русском дискурсе.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения полученных результатов в преподавании таких вузовских курсов, как «Лексикология», «Русский язык и культура речи», в разработке спецкурсов и спецсеминаров по метафорологии, в научно-исследовательской работе учащихся, при подготовке учебных пособий и при составлении словарей. На основе материалов данной работы может быть подготовлен специальный учебный словарь военной лексики для иностранных обучающихся российских вузов соответствующего профиля.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Лексические единицы, объединённые семантическим компонентом «военные действия» (общее количество – 3413), образуют лексико-семантическое поле, состоящее из 12 тематических групп: 1. «Наименование лиц и совокупности лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к боевым действиям и военной службе» (1022 единицы); 2. «Наименование военных действий и способов ведения войны» (767 единиц); 3. «Наименование видов оружия и военной техники, их элементов, свойств и мест хранения» (468 единиц); 4. «Наименование процессов ведения военных действий и результатов этих процессов» (321 единица); 5. «Наименование мест и сооружений для ведения боевых действий и несения военной службы» (219 единиц); 6. «Наименование элементов обмундирования, снаряжения и предметов обихода военнослужащих» (149 единиц); 7. «Наименование

действий, процессов и норм поведения в ситуации военной службы» (134 единицы); 8. «Наименование факторов, способствующих успешности боевых действий» (132 единицы); 9. «Наименование воинских формирований» (75 единиц); 10. «Наименование способов армейской подготовки и видов военного искусства» (63 единицы); 11. «Наименование способов построения и передвижения войск» (39 единиц); 12. «Наименование родов войск и военных специальностей» (24 единицы).

2. Выступая в метафорическом значении, данная группа лексики формирует вторичное – метафорическое – поле изоморфной структуры (общее количество конstituентов – 1576): 1. «Наименование лиц и совокупности лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к боевым действиям и военной службе» (422 единицы); 2. «Наименование военных действий и способов ведения войны» (367 единиц); 3. «Наименование видов оружия и военной техники, их элементов, свойств и мест хранения» (189 единиц); 4. «Наименование процессов ведения военных действий и результатов этих процессов» (188 единиц); 5. «Наименование мест и сооружений для ведения боевых действий и несения военной службы» (89 единиц); 6. «Наименование элементов обмундирования, снаряжения и предметов обихода военнослужащих» (72 единицы); 7. «Наименование действий, процессов и норм поведения в ситуации военной службы» (63 единицы); 8. «Наименование факторов, способствующих успешности боевых действий» (42 единицы); 9. «Наименование воинских формирований» (41 единица); 10. «Наименование способов армейской подготовки и видов военного искусства» (57 единиц); 11. «Наименование способов построения и передвижения войск» (34 единицы); 12. «Наименование родов войск и военных специальностей» (12 единиц).

3. Количественное соотношение единиц исходного (3413) и метафорического (1576) полей позволяет выявить степень метафоризации, которая составляет $\approx 46\%$. Эти данные свидетельствуют о релевантности для русского национального сознания репрезентируемого участка внеязыковой действительности. Активность метафорических процессов в разных тематических группах неоднородна, что проявляется в количественных параметрах метафоричности. Самую высокую степень метафоричности в рамках анализируемого материала имеют тематические группы: «Наименование способов армейской подготовки и видов военного искусства» (90%), «Наименование способов построения и передвижения войск» (87%), «Наименование процессов ведения военных действий и результатов этих процессов» (59%). Столь высокая активность метафорических процессов в указанных тематических группах свидетельствует о том, что составляющие их единицы называют явления, значимые для жизни социума.

4. Среди единиц, получивших метафорические значения, было выделено 478 нелексикографированных метафор, что составляет $\approx 30\%$ от общего количества. Наибольшее число нелексикографированных метафор было выделено в тематической группе «Наименование лиц и совокупности

лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к боевым действиям и военной службе» (126 метафор) и в тематической группе «Наименование видов оружия и военной техники, их элементов, свойств и мест хранения» (103 метафоры). Значительный процент нелексикографированных метафор свидетельствует об актуальности лексики, объединённой семантическим компонентом «военные действия», для русского языкового сознания и высоком потенциале расширения фонда системных метафор.

5. В каждой тематической группе метафорический перенос осуществляется по определённой инвариантной модели, реализуемой посредством определённого количества мотивирующих признаков, которые варьируются при образовании метафорических значений у отдельных единиц группы. Состав семантических признаков, по которым осуществляется метафоризация единиц, объединённых семантическим компонентом «военные действия», достаточно разнообразен (было выявлено 120 признаков), и каждая тематическая группа использует специфичный для неё набор мотивирующих семантических компонентов. Однако в рамках исследуемого материала выделяется ряд наиболее *востребованных* признаков переноса, которые используются при образовании метафорических значений в нескольких *тематических группах*. Это такие признаки, как «**внешний вид**» («**форма**», «**размер**») (12% – от общего количества мотивирующих признаков), «**поведение**» (9%), «**расположение в пространстве**» (6%), «**назначение, функция**» («**защита**») (5%), «**профессиональные качества**» (5%), «**статус лица в иерархии**» (4%), «**количество**» (3%), «**завершение действий**» (2%), «**скорость**» (2%), «**опасность**» (1%), «**звук**» (1%). Особенностью некоторых тематических групп (например, «Наименование лиц и совокупности лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к боевым действиям и военной службе», «Наименование видов оружия и военной техники, их элементов, свойств и мест хранения» и др.) является то, что переносные значения образуются на основе одной инвариантной семы при добавлении вариативных сем-конкретизаторов.

6. Анализ функционирования выявленных метафорических единиц в разных типах дискурса показал, что самую высокую активность проявляют единицы тематических групп «Наименование военных действий и способов ведения войны» (медицинский – 45%, политический – 45%, обиходно-бытовой – 41%, спортивный – 30%, художественный – 23%), «Наименование лиц и совокупности лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к боевым действиям и военной службе» (спортивный – 20%, обиходно-бытовой – 17%, художественный – 16%, политический – 13%, медицинский – 10%) и «Наименование видов оружия и военной техники, их элементов, свойств и мест хранения» (медицинский – 16 %, спортивный – 15%, политический – 14%, художественный – 13%, обиходно-бытовой – 7%). Остальные группы характеризуются более низкой частотностью употребления. Степень востребованности военной метафоры в разных типа дискурса определяется его содержательными характеристиками и возможностью или

невозможностью провести параллели с ситуацией военных действий или её отдельными аспектами.

Апробация работы. Основные положения исследования изложены в 22 научных публикациях, 6 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Результаты работы были представлены на Международной научно-практической межведомственной конференции «Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: Социальная и профессиональная гуманизация в пенитенциарных системах» (Воронеж, 2016), на II Региональной и III Всероссийской научно-практической конференции «Языки и культуры: настоящее, прошлое, будущее» (Белгород, 2016, 2017), на IV и V Всероссийской научно-практической конференции «Академические Жуковские чтения» «Актуальные проблемы подготовки военных специалистов» (Воронеж, 2016, 2017), на Межвузовской научно-практической конференции «Аспекты межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве» (Рязань, 2017), на IV, V и VI Межвузовской научно-практической конференции «Молодёжные чтения, посвящённые памяти Ю.А. Гагарина» «Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук» (Воронеж 2017, 2018, 2019), на VI, VII и VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческая наука как ресурс инновационного потенциала развития» (Воронеж, 2017, 2018, 2019), на Всероссийской научно-практической конференции «Интеграция науки и образования в академическом взаимодействии» (Воронеж, 2018), на Международной научно-практической конференции «Социально-гуманитарные аспекты развития общества и авиационной отрасли» (Минск, 2020), на XXXIV Международной научно-практической конференции «EurasiaScience» (Москва, 2020).

Структуру и объём диссертационной работы определяют её исследовательские цели и задачи. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, четырёх приложений.

Объём работы составляет 291 страницу, из них 146 страниц – основного текста.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** представлена характеристика основных параметров исследования: обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, характеризуется методологическая, теоретическая и эмпирическая база исследования, указываются методы, раскрывается научная новизна, обозначается теоретическая и практическая востребованность диссертации, приводятся основные положения, выносимые на защиту, сведения об апробации работы, описывается структура диссертации.

В первой главе «Теоретические основы исследования военной метафоры» рассматриваются различные аспекты изучения метафоры и дискурса.

Несмотря на наличие большого количества научной литературы, посвящённой изучению метафоры, многие вопросы остаются дискуссионными: механизм процесса метафоризации ещё далеко не изучен и трактовка его у разных исследователей имеет свои отличия. Но не подлежит сомнению, что рассмотрение этого механизма невозможно без анализа семантики слова и учёта его контекстного окружения.

Метафора – это особый тип номинативно-производного значения слова, который характеризуется семантической двуплановостью. В задачу лингвистического исследования входит установление отношений между прямым и переносным значением слова, т.е. между семемами одной лексемы. А это невозможно без учёта их семного состава, так как в метафоре происходит определённое перераспределение в ряду дифференциальных семантических признаков: смещаются акценты, в структуру значения включаются новые семантические компоненты, другие же признаки теряют статус дифференциальных или совсем выпадают.

Различие классификаций метафоры обусловлено различием подходов к данному феномену, разноплановостью принципов членения. Наиболее релевантным является разделение метафоры на «языковую – речевую».

Метафора охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях. «Метафоры являются составными частями дискурса, любой дискурс содержит характерные для него метафоры, т.е. определённую комбинацию метафор...» [Баранов, Караулов 1991: 25]. Поэтому в современных лингвистических исследованиях широко распространено изучение метафоры в определённом типе дискурса (дискурсивный подход к анализу метафоры).

Вторая глава «Военная метафора в современном русском дискурсе» посвящена анализу лексики, объединённой семантическим компонентом «военные действия», в метафорическом использовании. Данные единицы образуют лексико-семантическое поле, включающее 12 тематических групп (ТГ).

В ТГ **«Наименование лиц и совокупности лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к боевым действиям и военной службе»** выделены 1022 единицы. В результате анализа было установлено, что процессу метафоризации подвергаются 422 единицы, что составляет $\approx 41\%$ от рассмотренных примеров (частотность употребления военной метафоры указанной ТГ выявлена при анализе 1078 контекстов), например: *политический боец, генерал в юбке, картофельный диверсант, новобранцы ВГИКа, сбитые лётчицы кинематографа, словесный пулёмётчик, флагман общих настроений и др.*

Метафорический перенос единиц этой группы осуществляется по модели *человек, имеющий отношение к боевым действиям и военной службе* → *человек, не имеющий отношения к боевым действиям и военной службе* на основе ряда мотивирующих сем. В рамках данной ТГ одним из

продуктивных признаков метафорического переноса является инвариантный семантический компонент «**поведение**» (26%), реализуемый при посредстве дополнительных вариантных семантических компонентов конкретизирующего характера, превалирующим среди которых является «**стремление и способность бороться, сражаться**» (7%): «*В процессе участвует такой компонент крема, как... экстракт винограда породы каберне, проверенный боец за молодость кожи*» (Овощи-фрукты (2002) // «Домовой», 2002.05.04). Довольно часто используются и такие инвариантные мотивирующие признаки метафорического переноса, как: а) «**статус лица в иерархии**» (21%), реализуемый при посредстве вариантных сем «**руководящий статус**» (14%) и «**подчинённый, зависимый статус**» (7%): «*Хотя и врачи бывают разные. <...> Есть главнокомандующие и рядовые*» (Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! (2009); б) «**внешний вид**» (13%), часто реализуемый при посредстве вариантной семы «**телосложение**» (3%): «*– Он-то (Николай Егорович)... неважного сложения был, а вы – как есть кирасир*» (Роман Шмариков. Лошадь // «Сибирские огни», 2013); в) «**профессиональные качества**» (10%), наиболее часто реализуемый при участии вариантной семы «**меткость**» (5%): «*Лучший снайпер команды...*» (Алексей Демин. Увидеть невиданное. // «Известия», 2002.03.13) и др.

Одна и та же лексема может приобретать несколько метафорических значений вследствие того, что в каждой из производных семем метафорический перенос осуществляется за счёт актуализации определённого семантического компонента исходной семемы (*адмирал, ниндзя, партизан, разведчик, рыцарь, самурай, солдат, стратег, тактик, шпион*). Например, лексема *шпион* приобретает метафорические значения на основе следующих мотивирующих признаков: «**профессиональные качества**» («**способность вести наблюдение**»): «*Я шпион, – записывает Василий Витальевич, – я подсматриваю жизнь, как она есть*» (Иван Толстой. Барин из Парижа // «Русская жизнь», 2012) и «**внешний вид**» («**особенности одежды**»): «*...он вышел из подъезда – в сером плаще с поднятым воротником, в низко надвинутой на лоб кепке и в черных перчатках "... – Чистый шпион! – изумленно качая головой, сказал Крячко*» (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)).

Анализ показал, что из 422 метафор 126 являются нелексикографированными, что составляет $\approx 30\%$ от рассмотренных примеров, например: *автоматчики партии* (в своих воспоминаниях Владимир Дудинцев так называет А.В. Софронова и Н.М. Грибачева, которые, по его мнению, «расстреливали» неугодных властям писателей), *адмирал тюльпанов, театральная боевая единица, витязь старомодного рационализма, главнокомандующий советской литературы* (об А.А. Фадееве), *бабушка-камикадзе, командующий филологией* (об академике М.Б. Храпченко), *энергетический ландскнехт, лучник смерти* (чума), *новобранец армии фольклорных героев, однополчане стиховедения, домашний политрук, полковник диванных войск, семейный полководец, самурай мирового театра, старшина информационного фронта, фельдфебель в юбке* и др.

Метафорические единицы ТГ «Наименование лиц и совокупности лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к боевым действиям и военной службе» достаточно активно употребляются в современном русском дискурсе (средний показатель, основанный на анализе частотности

употребления в спортивном, медицинском, политическом, обиходно-бытовом и художественном дискурсе – 15%). При этом наиболее высокая частотность употребления единиц данной ТГ в метафорическом значении отмечается в спортивном дискурсе (20%), что может быть обусловлено сходным характером поведения участников боевых действий и спортивных игр: конкуренция между спортсменами, как и между военными, характеризуется повышенной агрессивностью и желанием победить любым путём: «...лучший **бомбардир** мундиаля-1990 Сальваторе Скиллачи» (Александр Кобеляцкий. Стартап Страны восходящего солнца // Русский репортёр. 2012), «А ведь Ширер вступился за сбившего его **“канонира”** Парлора в недавнем матче на “Хайберри”...» (Дмитрий Навоша. Англия, Англия // «Известия», 2001.12.24). Далее по степени убывания количественных параметров следуют: обиходно-бытовой дискурс (17%): «Жена в нашей семье **интендант!**» (Из разговорной речи), художественный (16%): «Человека этого звать Валид Азари, ...три сына – просто гиганты, в жену: там жёнушка настоящий **гренадер!**» (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)), политический (13%): «...реакционный американский педагог, идеологический **оруженосец американского империализма...**» (Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)), медицинский (10%): «Однако у них запускает развитие глаз, активируя “по цепочке” множество генов, один и тот же **ген-командир**» (Марина Фридман. Генетика – наука. Просто надо думать // «Знание – сила», 2005).

В ТГ «**Наименование военных действий и способов ведения войны**» было выделено 767 единиц. Процессу метафоризации подвергается 367 единиц, что составляет $\approx 48\%$ от 1138 рассмотренных случаев употребления, например: *вторая волна коронавируса продолжает атаковать, битва за молодость, взрыв мозга, судебная война, энергетический выстрел, идеологическая диверсия, наступление ковида, обстрел хейтеров, мозговой штурм* и др.

Метафорический перенос осуществляется по модели *процессы и действия, осуществляемые в ситуации войны → процессы и действия, осуществляемые вне ситуации войны* на основе следующих мотивирующих сем: «**способ негативного воздействия**» (24%): «... увы, она не в моем вкусе. Я остался холоден, хотя и подвергся с ее стороны **кратковременному артобстрелу**» (Екатерина Завершнева. Высотка (2012)); «**конфликт, противостояние**» (20%): «Она даже не заметила, что подъезд ей объявил **газават**. ...мертвое молчание пассажиров в лифте. Обойденные мокрой тряпкой пределы ее половика в коридоре» (Галина Щербакова. Актриса и милиционер (1999)); «**стремление захватить или нанести урон**» (14%): «Потому что такой активный ответ на **вторжение бактерий и вирусов** вызывает воспаление и часто вредит организму» (неизвестный. Естествознание. Новости // «Кот Шрёдингера», 2016) и др.

В рамках данной ТГ лексемы *бомбардировка, бомбёжка, бомбить, взрыв, врукопашную, громить, пальба, партизанить, стрелять, таран* приобретают несколько метафорических значений. Например: «Я сама **партизанила** до 12 недель, но молчать полбеременности – это сильно!» (Кошки форева! (2008)) («**скрытность**») и «...я рассмотрела старость рам, стен, нерадивость хозяев – гибкий шланг в ванной был перевязан чулками и изоляцией. Ну ничего: **“партизанить”** не впервые» (Нонна Мордюкова. Казачка (2005)) («**бытовые условия**»).

Из 367 метафор 54 являются нелексикографированными, что составляет $\approx 15\%$ от рассмотренных примеров: *артподготовка к бою за бюджет-*

2002, ледяная бомбардировка, спортивный газават, канонады овец, рекогносцировка на рынке, геополитический рикошет, торпедировать реформу и др.

Метафорические единицы ТГ «Наименование военных действий и способов ведения войны» относятся к наиболее активным по частотности употребления в современном русском дискурсе (средний показатель – 37%). При этом наиболее высокая частотность употребления единиц данной ТГ в метафорическом значении наблюдается в медицинском дискурсе (45%): «Какой бы вакциной не привился Станислав Черчесов – брешей в обороне организма не будет» (Александр Емельяненко, Ирина Невинная: Чем различаются три российские вакцины от COVID-19 // Российская газета: Общество, № 39 (8390), 27.02.2021) и в политическом дискурсе (45%): «Летом отдохнем, а потом начнется пальба по всем кандидатам» (Наталья Серова. Кадровая загогулина Ахмада Кадырова (2003) // «ПОЛИТКОМ. РУ», 2003.06.04), что может быть связано со сходным характером военных действий и действий в борьбе врача за здоровье и жизнь пациента в медицине и в борьбе за территорию, акваторию, сферу влияния и др. в политической сфере. Средняя частотность была выявлена в обиходно-бытовом дискурсе (41%): «Он легко разгадывал маневры дальних родственников и мгновенно предпринимал свои контрманевры, отсекая массовку, сохраняя в фокусе объектива жениха и невесту» (Из разговорной речи), в спортивном (30%): «“Суд Ковальчука” спровоцировал тотальное ледовое побоище “двадцать пять на двадцать пять”» (Евгений Чежегов. Лесной доктор // «Известия», 2001.08.15), в художественном (23%): «Валяйте, соглашаюсь, и пошел со следующей училкой договариваться. Осада продолжается» (Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)).

В ТГ «Наименование видов оружия и военной техники, их элементов, свойств и мест хранения» было выделено 468 единиц. Процессу метафоризации подвергается 189 единиц, что составляет $\approx 40\%$ от 481 рассмотренного примера: *арсенал молодой мамы, бронейбойная сестричка, экологический бумеранг, обойма востребованных артистов, пиар-оружие, под онлайн-прицелом, ятаганы речных излучин* и др.

Метафорический перенос осуществляется по модели *предметы, необходимые для осуществления военных действий* → *предметы, используемые в повседневной жизни* на основе следующих мотивирующих сем: «**объект, действие которого ведёт к каким-либо последствиям**» (31%): «В мысли Хрущёва, что без Сталина можно было обойтись, заложен “динамит” под всю концепцию реформ Хрущёва» (Гавриил Попов, Никита Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева // «Наука и жизнь», 2008); мотивирующего инвариантного признака «**внешний вид**» (26%), превалирующее место среди его вариантных модификаций занимает «**форма**» (19%): «Ошибка в обоих случаях была одна и та же: руководившие пит-стопами механики раньше времени поднимали свои “алебарды”» (Владимир Маккавеев. Круговая порука (2002) // «Формула», 2002.06.15) и др.

В рамках данной ТГ лексемы *богголовка, бомба, гашетка, кастет, копьё, крейсер, секира, таран, торпеда* приобретают несколько метафорических значений. Например: «В рот мне влетела мокрая торпеда холодного соленого огурца» (Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002) («**внешний вид**» («**форма**»)) и «Кстати, не верьте, что дельфины в ледяной воде не плавают.

Они мчатся со скоростью **торпеды**» (Андреева поговорила с дельфинами // Семь Дней № 16 15–21 апреля 2019) («**скорость движения**»).

Из 189 метафор 103 являются нелексикографированными, что составляет $\approx 55\%$ от рассмотренных примеров: *идеологический бикфордов инур, бомбовоз в юбке, броневой бронепоезд советской литературы, политический бумеранг, взгляды-дротики, пернатые истребители, катапульта маниакальной фантазии, клинок реки, копьё пламени, патронташ эрудиции, снаряд махорки, фугас широких экранов, шрапнель аргументов и др.*

Метафорические единицы ТГ «Наименование видов оружия и военной техники, их элементов, свойств и мест хранения» характеризуются активностью употребления в современном русском дискурсе (средний показатель – 12%). Наиболее высокая частотность употребления единиц данной ТГ в метафорическом значении отмечается в медицинском дискурсе (16%), что может быть обусловлено сходством функции оружия с функцией средств защиты от заболеваний: «Главным **оружием** в борьбе с коронавирусом считается **вакцинация**» (ВЕСТИ ВОРОНЕЖ. 12.07.2021). Следует отметить, что с 2020 года употребление военной метафоры в медицинском дискурсе значительно активизировалось, что связано с появлением в мире новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Далее по степени убывания количественных параметров следуют: спортивный дискурс (15%): «*Стала ли первая победа гонщика из **“обоймы” Michelin** уже в начале прошлого сезона большим сюрпризом для вас?*» (Борис Мурадов. Интервью: Пьер Дюпаскье (2002) // «Формула», 2002.05.15), политический (14%): «...именно вопрос о языке... стал **спусковым крючком украинского кризиса...**» (Александр Механик. Язык, автономия, независимость // «Эксперт», 2015), художественный (13%): «Я видел **клинок огня**» (Александр Иличевский. Костёр // «Октябрь», 2008), обиходно-бытовой (7%): «*Это не ребенок! Это **шальная пуля** какая-то: все время куда-то несётся!*» (Из разговорной речи).

В ТГ «Наименование процессов ведения военных действий и результатов этих процессов» была выделена 321 единица. Процессу метафоризации подвергается 188 единиц, что составляет $\approx 59\%$ от 627 рассмотренных примеров: *победить COVID-19, завоевание демократии, нравственный коллаборационизм, отвоевать жильё, разминировать участок национального самосознания, снять скальп с дочери и др.*

Метафорический перенос осуществляется по модели *процесс или результат военных действий → процесс или результат действий, осуществляемых вне ситуации войны*. В рамках данной ТГ наиболее часто в качестве мотивирующего признака метафорического переноса используется инвариантный семантический компонент «**завершение действий**» (26%), реализуемый при посредстве дополнительных вариантных семантических компонентов конкретизирующего характера – «**успешное завершение действий**» (12%): «*Коммерческий **триумф** фильма “Сталинград” – в первую очередь заслуга Александра Роднянского...*» (Вячеслав Суриков. Время продюсеров // «Эксперт», 2014) и «**неудачное завершение действий**» (9%): «*Именно с этой картины ведущей темой Михалкова стали познание заезжим иностранцем чужой страны и **капитуляция** пред ее (страны) диковатой силой и прелестью*» (Денис Горелов. Собачкин вальс. «Очи черные» (2002) // «Известия», 2002.04.21) и др. Часто используются и такие мотивирующие признаки метафорического переноса,

как «действие, направленное на уничтожение объекта» (19%): « – Любую диссертацию, Андрей, даже самую что ни на есть совершенную, можно разгромить» (Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)); «**результат взаимодействия враждующих сторон**» (19%) («повреждение» (13%)): «Доверие многих к нему после этих событий было подорвано» (Из разговорной речи); «**получение выгоды в результате успешного завершения конфликта**» (17%): «...в результате взимания этой “контрибуции” мурманским овощеводам останется только одна дорога – на улицу...» (Разбой от имени Чубайса (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.08) и др.

В рамках данной ТГ лексемы *разбомбить, разгром, разгромить* приобретают несколько метафорических значений. Например: «Вы должны разбомбить эту статью и разбомбить уголовное дело» (Виктор Пронин. Банда 8 (2005)) («действие, направленное на уничтожение объекта») и «Я хотела его купить, когда молоко только стало прибывать, грудь разбомбило, а сцезиваться я еще не умела» (Наши дети: Малыши до года (форум)) («изменение объёма, расширение»).

Из 188 метафор 32 являются нелексикографированными, что составляет $\approx 17\%$ от рассмотренных примеров: *истрелять запас энергии, агитационно-политическая контузия, сайт разбомбили, разминировать образ, репатриация капитала* и др.

Метафорические единицы ТГ «**Наименование процессов ведения военных действий и результатов этих процессов**» имеют в современном русском дискурсе средний показатель употребления – 10%. При этом наиболее высокая частотность использования единиц данной ТГ в метафорическом значении была выявлена в художественном дискурсе (15%): «Скуку взорвал неожиданно нео-поэзный мотив» (И. Северянин) и при выражении семейных отношений в обиходно-бытовом дискурсе (14%): «Ну что, довоевались вы до развода?» (Из разговорной речи). Средняя частотность употребления единиц группы отмечается в медицинском дискурсе (10%): «Но если таких клеток-эгоцентриков много и это злое сообщество растет и растет, иммунитет выкидывает белый флаг» (Наталья Алексеева. Чисто мужская беда (2002) // «Семейный доктор», 2002.09.15), невысокая – в спортивном (6%): «...чехи, они всегда ставят перед собой цель – увезти домой главный трофей или хотя бы снять скальп с хозяев турнира» (Алексей Демин. На главных ролях. Сборная России начинает Кубок «Балтики» (2001) // «Известия», 2001.12.18) и в политическом (6%): «Политическая конкуренция украинских элит – не более чем экономическое мародерство...» (Семён Уралов. Бегство от реальности. Наперегонки // «Однако», 2009).

В ТГ «**Наименование мест и сооружений для ведения боевых действий и несения военной службы**» было выделено 219 единиц. Процессу метафоризации подвергается 89 единиц, что составляет $\approx 41\%$ от 374 рассмотренных примеров: *казарменная опрятность, на переднем крае борьбы с эпидемией, в коронавирусных окопах, плацдарм для политиков, передовая фразеологическая наука, передовые позиции в светской хронике, траншея лица* и др.

Метафорический перенос осуществляется по модели *место или сооружение, связанное с военной службой* → *место или сооружение, не связанное с военной службой*. Наиболее востребованным при образовании метафорического значения является мотивирующий инвариантный признак «**назначение, функция**» (35%), превалирующее место среди его вариантных

модификаций занимает «защита» (22%): «*Осанка – один из последних оборонительных редутов перед дряхлостью*» (Ольга Новикова. Мне страшно, или Третий роман // «Звезда», 2003). Менее частотным является инвариантный признак «**внешний вид**» (16%), реализуемый при посредстве дополнительных вариантных семантических компонентов конкретизирующего характера, превалирующим среди которых является «**форма**» (6%): «*Они перелезли снеговой бруствер на обочине дороги*» (Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)). Используется также инвариантный мотивирующий признак метафорического переноса «**расположение в пространстве**» (11%), имеющий вариативные семы-конкретизаторы, например, «**расположение внизу**» (3%): «*Benetton теперь работает в паддоке, а им приходится ютиться в “бункере” и надеяться, что в этом году они поднимутся выше. Но тогда их место в “бомбоубежище” займет кто-то другой*» (Владимир Маккавеев. Дети подземелья (2001) // «Формула», 2001.07.15) и др.

В данной ТГ лексемы *баррикада*, *лазарет* приобретают несколько метафорических значений. Например: «*Дома лазарет. Потому связно мыслить я не в состоянии*» (Анатолий Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни», 2012) («**назначение, функция**» («**лечение**»)) и «*...рад, что интерьер сдвинется, смотри, только не выбели... не преврати в лазарет*» (коллективный. Форум: Апгрейд дачной кухни (2011-2013)) («**внешний вид**» («**цвет**»)).

Из 89 метафор 57 являются нелексикографированными, что составляет $\approx 64\%$ от рассмотренных примеров: *аванпост будущего, акрополь науки, снеговой бруствер, мир-казарма, научный полигон* и др.

В современном русском дискурсе средняя частотность употребления единиц ТГ «**Наименование мест и сооружений для ведения боевых действий и несения военной службы**» составляет 7%. При этом в медицинском дискурсе она достигает 10%: «*Врожденная иммунная система – первая линия обороны, барьер вдоль всей границы, через которую может пробраться инфекция*» (Анна Солодова. «Испанка» // «Детали мира», 2011), в художественном – 8%: «*Шурьев, прибывший на этот семинар специально с передовых позиций, сообщал последние новости о деградации буржуазной литературы*» (Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)), в спортивном – 8%: «*...российская цитадель оборонительного хоккея была готова к эксплуатации*» (Алексей Демин. Великая комбинаторика. (2002) // Известия. 10.09.2002), в политическом – 6%: «*Передовая линия “фронта” явного и скрытого соперничества между Россией и США в Казахстане пролегает уже и через Байконур*» (Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Книга 1 (1999)); низкая – в обиходно-бытовом дискурсе – 3%: «*...пришлось сесть на антидепрессанты. С одной стороны, они меня спасли. А с другой... Мой “центр управления полётом” настолько отключился, что я решила завести ещё и котёнка*» (Ирина Богушевская. Не люблю сложные женские игры // Коллекция караван историй, № 01 январь 2018).

В ТГ «**Наименование элементов обмундирования, снаряжения и предметов обихода военнослужащих**» было выделено 149 единиц. Процессу метафоризации подвергаются 72 единицы, что составляет $\approx 48\%$ от 213 рассмотренных примеров: *одуванчиковые парашюты, полное обмундирование врачей в «красной зоне», шлем волос, витаминный щит, снежные эполеты* и др.

Метафорический перенос осуществляется по модели элемент обмундирования, снаряжения и предметов обихода военнослужащих →

элемент одежды, снаряжения и предмет обихода, используемый вне военной службы.

В рамках данной ТГ наиболее часто в качестве мотивирующего признака метафорического переноса используется инвариантный семантический компонент «**назначение, функция**» (39%), реализуемый при посредстве дополнительных вариантных семантических компонентов конкретизирующего характера, превалирующим среди которых является «**защита**» (37%): «...она с ним не разговаривала: нарочно отворачивалась, чтобы не видеть его лица и не отвечать на вопросы, руку отнимала – рыцарь, **закованный в латы своей глухоты**» (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)). Частотным является также такой мотивирующий признак метафорического переноса, как «**внешний вид**» (33%), превалирующей вариантной модификацией которого является «**форма**» (25%): «В воздухе звенел солнечный свет, летели **одуванчиковые парашюты**» (Наталья Галкина. Вилла Рено // «Нева», 2003) и др.

В рамках данной ТГ лексемы *парашют, шлем* приобретают несколько метафорических значений: «...для ведения “брани при ВТО” русское “воинство” должно иметь семь ключевых доспехов: Во-первых, **шлем**, – как ни странно, им должно стать **неверие** только в свои предпринимательские силы...» (Гуськов А. Е. Вступление России в ВТО (2012)) («**назначение, функция**» («**защита**»)) и «...ряд тройных венецианских окон жилого здания и круглый чешуйчатый **шлем церкви**» (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)) («**внешний вид**» («**форма**»)).

Из 72 метафор 31 является нелексикографированной, что составляет ≈ 43% от рассмотренных примеров: *моральный бронезилет, доспехи горы, психологическая кольчуга, парашюты светильников, экипировка окна* и др.

Средняя частотность употребления в современном русском дискурсе метафорических единиц ТГ «**Наименование элементов обмундирования, снаряжения и предметов обихода военнослужащих**» составляет 3%. Показатели частотности употребления в разных типах дискурса следующие: в художественном – 6%: «На головах у всех снежные шапки, на плечах – **снежные эполеты**» (Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)), в обиходно-бытовом – 4%: «А меня достали эти **подлые “галифе”** или “ушки” **на бедрах**, чем я их только не выколачивала, живучие гады» (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)), в политическом – 3%: «**Щит и кольчуга**, – ими должна стать, как раз, наша вера в государство» (Гуськов А. Е. Вступление России в ВТО (2012)), в спортивном – 2%: «У голкипера другая **амуниция**, другая клюшка...» (Мария Цырулева. Игрок с хвостиком // «Русский репортер», 2015), в медицинском – 1%: «Артист уверен, что работал только благодаря вакцине. “Я надел этот **“бронезилет”** и пошёл в атаку» (Юрий Стоянов: Если надо, уколюсь! // Семь Дней № 14 5–11 апреля 2021).

В ТГ «**Наименование действий, процессов и норм поведения в ситуации военной службы**» было выделено 132 единицы. Процессу метафоризации подвергаются 63 единицы, что составляет ≈ 47% от 155 рассмотренных примеров: *женская дедовщина, парад планет, рапортовать о достижениях в мире моды* и др.

Метафорический перенос осуществляется по модели *действия, процессы, нормы поведения в ситуации военной службы* → *действия, процессы, нормы поведения в ситуации вне военной службы*. В рамках

данной ТГ при метафорическом переносе в качестве мотивирующих используется ряд признаков, основным из которых является **«процесс или явление торжественного характера»** (17%): *«Присяга-то есть не только воинская. Верности себе тоже присягать необходимо»* (Галина Шергова. ...Об известных всем (2002-2004)).

В данной ТГ лексема *парад* приобретает несколько метафорических значений: *«Теперь спокойно на улице не выйдешь, нужно быть постоянно при параде»* (Ксения Суркова: Найти себя заново // Коллекция караван историй, № 02 январь 2019) (**«явление торжественного характера»**) и *«Но потом начались “парад суверенитетов”, презрение к советскому прошлому и надругательство над нашей общей историей»* (Владимир Завадич. Надругательство над нашей историей (2004) // «Солдат удачи», 2004.01.14) (**«демонстрация положения дел»**).

Из 63 метафор 18 являются нелексикографированными, что составляет $\approx 29\%$ от рассмотренных примеров: *акколада мастера, армейский график работы, дедовщина у животных и др.*

Метафорические единицы ТГ **«Наименование действий, процессов и норм поведения в ситуации военной службы»** характеризуются низкой частотностью употребления в современном русском дискурсе (средний показатель – 1%). Показатели частотности употребления в разных типах дискурса следующие: в обиходно-бытовом – 1%: *«Вам не приходилось учиться в хороших английских школах? Там... официально поощряется стукачество и дедовщина»* (Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) (2008)), в политическом – 1%: *«В предвыборный год такое отмалчивание равносильно коллективному харакири»* (Дмитрий Орешкин. О чем молчат олигархи? (2003) // «Московские новости», 2003.04.01). Во всех остальных рассмотренных дискурсах в рамках исследованного материала встречаются только единичные примеры.

В ТГ **«Наименование факторов, способствующих успешности боевых действий»** было выделено 132 единицы. Процессу метафоризации подвергаются 42 единицы, что составляет $\approx 32\%$ от рассмотренных 146 примеров: *женский боевой раскрас, агрессивные папарацци, мобилизация сил и др.*

Метафорический перенос осуществляется по модели *факторы, способствующие успешности боевых действий* → *факторы, способствующие успешности любых действий*. Наиболее востребованными при образовании метафорического значения в рамках данной ТГ являются такие мотивирующие признаки, как **«физические характеристики, способствующие успешности действий»** (31%): *«На голове Насти мы часто видим “боевой раскрас”»* (Александр Васильев: Настасья Самбурская – очень опасная девчонка // Семь Дней № 30 24–30 июля 2017) и **«совокупность психологических и материальных (физических) факторов»** (25%): *«Папа полжизни страдал от язвы желудка, поэтому женщины в нашей семье при слове “живот” приходили в состояние трепета и полной боевой готовности»* (Дмитрий Иосифов: Скажите, как его зовут? // Коллекция караван историй № 12 декабрь 2017).

Лексемы, приобретающие несколько метафорических значений, в рамках данной ТГ отсутствуют.

Из 42 метафор 6 являются нелексикографированными, что составляет $\approx 14\%$ от рассмотренных, например, *питьеное богатырство*.

Средняя частотность употребления в современном русском дискурсе единиц ТГ «Наименования факторов, способствующих успешности боевых действий» – 3%. Показатели частотности употребления в разных типах дискурса следующие: в спортивном – 4%: «У сборной России есть самое главное – боевой дух» (Матвей Глебов. Снова минус один. (2001) // Известия. 27.08.2001), в художественном – 4%: «А стерва Полуэктова звонила в Пермь своему генералу и писклявым, столь не идущим её могучему воинскому духу голосом сообщала о перемене планов» (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000), в политическом – 3%: «Парадоксально, но при всей внешней монументальности Касьянов – политик гибкий и маневренный» (Алексей Макаркин. Премьер без срока годности (2003) // «Совершенно секретно», 2003.05.05), в медицинском – 3%: «Мобилизация наших защитных сил происходит под действием гормонов надпочечников – дезоксикортикостерона и кортизона» (Алла Дружинина. Диета при простуде (2002) // «Семейный доктор», 2002.11.15), в обиходно-бытовом дискурсе – 2%: «Я была очень воинственным ребёнком» (Наталья Бондарчук: Я страдала и винила отца, пока не узнала правду // Семь Дней № 35 28 августа–3 сентября 2017).

В ТГ «**Наименование воинских формирований**» было выделено 75 единиц. Процессу метафоризации подвергается 41 единица, что составляет ≈ 55% от 139 рассмотренных примеров: *армия бактерий, легион подписчиков, спортивный дивизион и др.*

Метафорический перенос осуществляется по модели *группа, сформированная для выполнения боевых задач → группа, не связанная с военными действиями*. В рамках данной ТГ в качестве главного мотивирующего признака метафорических переносов выступает семантический компонент «**множество, характеризующееся общим признаком**» (68%): «Кроме того, дом начали атаковать летучие мыши, в нём завелись полчища мух» (Верись – не верись // «Комсомольская правда». 04.04.2017), а также – «**группа, выполняющая определённую задачу**» (23%): «Лариса Лужина вспоминает, как подруга помогла ей приобрести трёхкомнатную квартиру: «Но тут Лучко собрала “десант”. Пригласила с собой Петра Глебова, Евгения Матвеева, повела их в Моссовет» (Анжелика Пахомова: Клара Лучко боялась самолётов, но опасность поджидала её в поезде // Семь дней» № 9 27 февраля–5 марта 2017).

В рамках данной ТГ отсутствуют лексемы, приобретающие несколько метафорических значений.

Из 41 метафоры 15 являются нелексикографированными, что составляет ≈ 37% от рассмотренных примеров: *взвод бутылей, околотерапевтические войска, хоккейная дружина, рать огней, флотилия арбузных корок, воронья эскадрилья и др.*

Средняя частотность употребления в современном русском дискурсе у единиц ТГ «Наименование воинских формирований» составляет 4%. При этом в спортивном дискурсе она составляет 9%: «Футбольная дивизия» (Что будет с московскими клубами // Комсомольская правда – 10.05.2005), «В своем стартовом матче 24 апреля в 18.15 мск наша ледовая дружина скрестит клюшки с командой Германии» (Николай Ивашов. Удержаться на вершине (2009.04.23) // <http://www.rbcdaily.ru/2009/04/23/lifestyle/411885.shtml>, 2009), что может быть обусловлено сходным характером наименований военных и спортивных объединений; в художественном – 4%: «...целая флотилия изящных графинчиков

английского серебра под водительством флагмана – высокого кувшина для домашней наливки» (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)), в обиходно-бытовом – 2%: «В общежитии – **армия тараканов!**» (Из разговорной речи), в политическом – 2%: «...самый боеспособный **отряд оппозиции** компрадорскому Капиталу впал в застой» (Николай Анисин. Красный реванш (2003) // «Завтра», 2003.01.01), в медицинском дискурсе – 1%: «Всех прочих ждала немедленная мобилизация во всякие **околотерапевтические войска**» (Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! (2009)).

В ТГ «**Наименование способов армейской подготовки и видов военного искусства**» было выделено 63 единицы. Процессу метафоризации подвергается 57 единиц, что составляет $\approx 90\%$ от 99 рассмотренных примеров: *вымуштрованная* обслуга, *высший пилотаж* актёрства, *тактика невмешательства* и др.

Метафорический перенос осуществляется по модели *способы подготовки военнослужащих и военного искусства* → *способы подготовки к какой-либо деятельности и достижения цели*. В рамках данной ТГ в качестве главного мотивирующего признака метафорических переносов выступает семантический компонент «**средство введения в заблуждение**» (23%): «Я знал, что артисты этого не любят. Но на самом деле это была с моей стороны чистой воды провокация, **военная хитрость**. Я не мог механически передавать текст одной роли другому персонажу» (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)).

Лексемы, приобретающие несколько метафорических значений, в рамках данной ТГ отсутствуют.

Из 57 метафор 14 являются нелексикографированными, что составляет $\approx 25\%$ от рассмотренных, например, *катапультироваться из стен театра*.

Средняя частотность употребления метафорических единиц ТГ «**Наименование способов армейской подготовки и видов военного искусства**» в современном русском дискурсе составляет 5%. При этом при выражении семейных отношений в обиходно-бытовом дискурсе частотность употребления единиц данной ТГ в метафорическом значении несколько выше (7%), чем в других типах дискурса, что может быть обусловлено сходным характером умений и навыков, используемых при подготовке к военным действиям и в процессе воспитания детей: «А в отцовском воспитании присутствует **военная дисциплина**» (Ольга Кабо: Было очень тяжело отпустить дочь во взрослую жизнь // Семь Дней № 2 8–14 января 2018), «В этой **тактике** родители исходили из свойств моего характера» (Юлия Ковальчук: Родом из детства // Коллекция караван историй № 05 май 2017). В художественном дискурсе частотность употребления составляет 6%: «Речка ползет **по-пластунски**...» (Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005), в медицинском – 3%: «Я вообще считаю, что работа настоящего терапевта – вот **высший пилотаж** медицины» (Игорь Андрианов. Где они, новые технологии-2 // «Знание – сила», 2005), в спортивном – 3%: «Смотр спортивных сил, **“пристрелка”** к будущей Спартакиаде» (Татьяна Голубчикова. Готовим победу (2003) // «Нефтяник» (Пермь), 2003.06.01), в политическом – 3%: «Туману напустили сами коммунисты, а их оппоненты говорят, что это сделано совершенно сознательно – нужна **дымовая завеса**» (Александр Садчиков. Правительству готовят затяжной вотум (2003) // «Известия», 2003.01.21).

В ТГ «**Наименование способов построения и передвижения войск**» было выделено 39 единиц. Процессу метафоризации подвергаются 34 единицы, что составляет $\approx 87\%$ от 70 рассмотренных примеров: *в авангарде стола, фаланга банок, театр второго эшелона и др.*

Метафорический перенос осуществляется по модели *способы построения и передвижения войск* → *способы расположения и передвижения вне ситуации военной службы*. Особенностью данной группы является то, что все переносные значения в ней образуются на основе одной инвариантной семы «**положение в пространстве**» (100%) при добавлении вариативной семы-конкретизатора, например, «**расположение единиц какой-либо системы относительно друг друга**» (20%): «... “неуравновешенный алкоголик сын, “не любившая отца дочь”, “настоящее чудовище Берия”, шеренга монстров с обычным штампом “руки по локоть в крови”» (Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)), «**изменение положения в пространстве**» (20%): «Думаю, *внутри сама собой началась перестройка, передислокация сил, которые было необходимо собрать и направить на одно-единственное – победить!*» (Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994-2003)) и др.

В рамках данной ТГ отсутствуют лексемы, приобретающие несколько метафорических значений.

Из 34 метафор 10 являются нелексикографированными, что составляет $\approx 29\%$ от рассмотренных, например, *фланговая передача*.

Средняя частотность употребления в современном русском дискурсе у единиц ТГ «**Наименование способов построения и передвижения войск**» – 2%. При этом в художественном дискурсе она составляет 4%: «*После третьей чашки мысли выстроились в боевой порядок и штурмом взяли поставленную задачу*» (Андрей Курков. Милый друг, товарищ покойника (2001)), в политическом – 3%: «*Наша страна находится в арьергарде, хотя в начале 90-х когда принимался этот закон, мы были в авангарде*» (Роман Дорохов, Елена Короп. Черная метка Белого дома. // «Известия», 2002.10.03), в спортивном – 2%: «*...у миланцев складно играет правый фланг*» (Филипп Бахтин. Двое на двое. Миланцы показали римлянам, кто в Италии главный (2002) // «Известия», 2002.12.08), в обиходно-бытовом дискурсе – 1%: «*Муж и жена стоят в одном строю против всех жизненных трудностей и неурядиц...*» (Из разговорной речи). В медицинском дискурсе в рамках исследованного материала встречаются только единичные примеры.

В ТГ «**Наименование родов войск и военных специальностей**» было выделено 24 единицы. Процессу метафоризации подвергается 12 единиц, что составляет 50% от 25 рассмотренных примеров: *птичья авиация, бронетанковые войска монополистов, стальная конница и др.*

Метафорический перенос осуществляется по модели *наименования родов войск и военных специальностей* → *наименование объединений субъектов, не связанных с военной службой*. В данной ТГ превалирует мотивирующий признак метафорического переноса «**характер движения**» (30%): «*У приезжего товарища между ухом и углом челюсти прокатывалась мотопехота. “А ты бы, Тиша, сначала спросил, а потом подозревал нехорошее”, – тут вмешался Агамемнон*» (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)).

В рамках данной ТГ лексемы *кавалерия*, *конница* приобретают несколько метафорических значений: «Все как в есенинском “Сорокоусте”: “Милый, милый, смешной дуралей, // Ну куда он, куда он гонится? // Неужель он не знает, что живых коней // Победила стальная конница?”. С тем только уточнением, что с ходом времени и стальную конницу постигла судьба красногривого жеребенка» (Максим Соколов. Девять вокзалов // «Эксперт», 2015) («характер движения») и «Это был не конфетно-букетный период, а подход казачьей конницы с гиканьем и свистом» (Ирина Богушевская: Не люблю сложные женские игры // Коллекция караван историй, № 01 январь 2018) («активность, скорость»).

Из 12 метафор 8 являются нелексикографированными, что составляет $\approx 67\%$ от рассмотренных, например, *пехота* бизнеса.

Средняя частотность употребления в современном русском дискурсе у единиц ТГ «Наименование родов войск и военных специальностей» составляет 1%. Показатели частотности употребления в разных типах дискурса следующие: в спортивном – 1%: «...f5. Пехота двинулась вперед, и это означает, что король готов разделить со своим войском все тяготы кампании» (Максим Ноткин. Жемчужины золотого зала (2004) // 64 – Шахматное обозрение. 15.03.2004), в медицинском – 1%: «– По сравнению с предыдущим штаммом болезнь развивается за 3-4 дня и прогрессирует просто на глазах. Мы уже не смотрим за динамикой развития сюжета, а просто сразу включаем тяжёлую артиллерию» (ВЕСТИ RU: Счёт идёт на дни. 06.07.2021), в художественном – 1%: «– Тараканы – это тяжелая кавалерия, – объяснил Федор со спокойствием, все сильнее изумлявшим и возмущавшим Ивана Дмитриевича. – А клопы – легкая» (Леонид Юзефович. Костюм Арлекина (2001)), в обиходно-бытовом – 1%: «Птичья авиация устремилась к земле» (Из разговорной речи), в политическом – 1%: «Тогда Сталин не раз собирал Политбюро, и оно пришло к выводу: нет другого выхода, кроме как создать в Европе мощный бронетанковый кулак, который навис бы над Европой» (Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997)).

Проведённый анализ позволил дать достаточно полную характеристику особенностей метафорической репрезентации денотативной сферы «война» в современном русском дискурсе.

В **Заключении** представлены основные выводы проведённого исследования, подтверждающие положения, выносимые на защиту.

В **Приложении 1** представлена проанализированная военная лексика, разделённая по тематическим группам.

В **Приложении 2** перечислены мотивирующие признаки образования метафорических значений (в 12 тематических группах).

В **Приложении 3** приведены примеры нелексикографированных метафор.

В **Приложении 4** приведены данные о частотности употребления тематических групп военной лексики в метафорическом значении в различных типах дискурса современного русского языка: в спортивном, в медицинском, в политическом, в обиходно-бытовом и в художественном.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях.

Статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Федотова Н.В. Специфика употребления военной метафоры в спортивном дискурсе / Н.В. Федотова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 2 (80): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 378–383.

2. Федотова Н.В. Специфика употребления военной метафоры в медицинском дискурсе / Н.В. Федотова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж: ВГУ, 2018. – № 2. – С. 60–62.

3. Федотова Н.В. Функционирование военной метафоры в обиходно-бытовом дискурсе современного русского языка / Н.В. Федотова // Научный журнал: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – Выпуск № 1 (41). – 2019. – С. 40–52.

4. Федотова Н.В. Функционирование военной метафоры в современном политическом дискурсе / Н.В. Федотова // Русская речь. – № 4. – 2019. – С. 7–33.

5. Федотова Н.В. Военная метафора в театральном дискурсе современного русского языка / Н.В. Федотова // ФИЛОЛОГОС. – Выпуск 1 (44). – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2020. – С. 80–87.

6. Федотова Н.В. Коронавирусный дискурс как источник активизации военной метафоры / Н.В. Федотова, О.Н. Чарыкова // Русская речь. – № 1. – 2022. – С. 50–61.

Статьи в научных журналах и сборниках:

7. Федотова Н.В. Метафора в романе В.О. Богомолова «Момент истины» / Н.В. Федотова // Языки и культуры: настоящее, прошлое, будущее (материалы II Региональной научно-практической конференции). – Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. – С. 171–174.

8. Федотова Н.В. Военная метафора в прозе В.О. Богомолова / Н.В. Федотова // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: Социальная и профессиональная гуманизация в пенитенциарных системах: сборник материалов Международной научно-практической межведомственной конференции / ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. – С. 501–503.

9. Федотова Н.В. Функционирование метафоры в романе В.О. Богомолова «Момент истины» / Н.В. Федотова, В.Т. Нгуен // Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции «Академические Жуковские чтения» в 3-х т. – Т. 3. – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2016. – С. 280–282.

10. Федотова Н.В. Функционирование военной метафоры в прозе В.О. Богомолова / Н.В. Федотова, В.Т. Нгуен // Языки и культуры: настоящее, прошлое, будущее (сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции). – Белгород, 2017. – С. 145–150.

11. Федотова Н.В. Военная метафора в произведениях военно-исторического жанра / Н.В. Федотова, В.Т. Нгуен // Аспекты межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве: материалы Межвузовской научно-практической конференций. – Рязань: РВВДКУ, 2017. – С. 70–75.

12. Федотова Н.В. Военная метафора в произведениях советских писателей о Великой Отечественной войне / Н.В. Федотова, В.Т. Нгуен // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: в 2 т. / Сб. ст. по материалам IV Научно-практической конференции «Молодёжные чтения, посвящённые памяти Ю.А. Гагарина». – Т. 2. – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2017. – С. 276–280.

13. Федотова Н.В. Метафорическая модель «Любовь – это война» в произведениях военно-исторического жанра / Н.В. Федотова, В.Т. Нгуен // Студенческая наука как ресурс инновационного потенциала развития. VI международная студенческая научная конференция. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2017. – С. 35–38.

14. Федотова Н.В. Анализ метафоризации военной лексики в языке спорта с точки зрения категориально-грамматических особенностей / Н.В. Федотова, Т. Энхбат // Сборник научных статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции «Академические Жуковские чтения» «Актуальные проблемы подготовки военных специалистов» в 3-х т. – Т. 3. – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2017. – С. 88–91.

15. Федотова Н.В. Работа над метафорическими значениями военной лексики как компонент формирования коммуникативной компетенции иностранных военнослужащих / Н.В. Федотова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук / Сб. науч. ст. по материалам Всероссийской науч.-практ. конф. «Интеграция науки и образования в академическом взаимодействии». – Воронеж: издательство «КВАЛИС», 2018. – С. 304–306.

16. Федотова Н.В. Функционирование военной лексики в политическом дискурсе / Н.В. Федотова, Т. Шайдолда // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: сб. ст. по материалам V Научно-практической конференции «Молодёжные чтения, посвящённые памяти Ю.А. Гагарина». – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2018. – С. 381–385.

17. Федотова Н.В. Анализ метафоризации военной лексики в медицинском дискурсе с точки зрения лексико-семантической характеристики / Н.В. Федотова, П.А. Менете // Студенческая наука как ресурс инновационного потенциала развития. VII международная студенческая научная конференция. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2018. – С. 35–38.

18. Федотова Н.В. Функционирование военной лексики в «семейном» дискурсе современного русского языка (метафорическая модель «Любовь – это война») / Н.В. Федотова, П.А. Менете // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: сб. ст. по материалам

VI Научно-практической конференции «Молодёжные чтения, посвящённые памяти Ю.А. Гагарина». – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2019. – С. 274–279.

19. Федотова Н.В. Функционирование военной лексики в метафорическом использовании в обиходно-бытовом дискурсе современного русского языка с точки зрения категориально-грамматических особенностей / Н.В. Федотова, Т. Шайдолда // Студенческая наука как ресурс инновационного потенциала развития. VIII международная студенческая научная конференция. – Воронеж: ИМО ВГУ, 2019. – С. 40–43.

20. Федотова Н.В. О формировании коммуникативной компетенции военнослужащих при работе над метафорическими значениями авиационной лексики в процессе обучения русскому языку как иностранному / Н.В. Федотова // Социально-гуманитарные аспекты развития общества и авиационной отрасли: материалы Международной научно-практической конференции. – Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2020. – С. 92–94.

21. Федотова Н.В. О работе над метафорическими значениями авиационной лексики как компоненте формирования коммуникативной компетенции иностранных военнослужащих / Н.В. Федотова, С.А. Саиджалолов // EurasiaScience: сборник статей XXXIV международной научно-практической конференции, часть II. – М.: Научно-издательский центр «Актуальность. РФ», 2020. – С. 34–37.

22. Федотова Н.В. Работа над метафорическими значениями авиационной лексики как компонент формирования коммуникативной компетенции иностранных военнослужащих / Н.В. Федотова // Воронежская филологическая школа: Юбилеи, научные контакты, современная практика. Сборник научных статей. Вып. 2. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. – С. 245–250.